

Самарин Дмитрий Александрович

СПЕЦИФИКА ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ЯЗЫКА У ЛЕО ВАЙСГЕРБЕРА

В статье рассмотрено формирование философского и лингвистического мировоззрения Л. Вайсгербера, главы неогумбольдтианского направления в Германии. Особый акцент сделан на внимании немецкого лингвиста к социальной природе языка, его активному характеру. Концепция Л. Вайсгербера проанализирована с учётом особенностей его трёхзначной языковой модели (звуковой формы, содержания, действительности) и различаемых им статического и динамического аспектов в исследованиях языка.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/4-2/44.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (22): в 2-х ч. Ч. II. С. 163-166. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 81.00

Филологические науки

В статье рассмотрено формирование философского и лингвистического мировоззрения Л. Вайсгербера, главы неогумбольдтианского направления в Германии. Особый акцент сделан на внимании немецкого лингвиста к социальной природе языка, его активному характеру. Концепция Л. Вайсгербера проанализирована с учётом особенностей его трёхзначной языковой модели (звуковой формы, содержания, действительности) и различаемых им статического и динамического аспектов в исследованиях языка.

Ключевые слова и фразы: структурная семантика; культура; мировоззрение языка; ономаσιологическая грамматика; внутренняя форма; статика; динамика.

Самарин Дмитрий Александрович, к. филол. н.

*Байкальский государственный университет (филиал) в г. Якутске
dsamarin2011@yandex.ru*

**СПЕЦИФИКА ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОЙ
КОНЦЕПЦИИ ЯЗЫКА У ЛЕО ВАЙСГЕРБЕРА[©]**

Пути становления общего языкознания как науки в Европе были намечены в трудах великого немецкого учёного и философа В. фон Гумбольдта (1767-1835 гг.). Теории В. фон Гумбольдта нашли своё продолжение в работах его многочисленных учеников и сторонников. Одним из них был Иоганн Лео Вайсгербер (1899-1985 гг.), ставший родоначальником неогумбольдтианского направления и его главой в Германии. Основы неогумбольдтианской концепции содержались в монографии Л. Вайсгербера «Muttersprache und Geistesbildung» («Родной язык и формирование духа») (1929 г.). К этому направлению относились также Й. Трип («Sprachliche Felder», 1931 г.), Х. Гиппер («Zur Grundlegung der ganzheitlichen Sprachauffassung», 1964 г.), Г. Глинц («Die innere Form des Deutschen. Eine neue deutsche Grammatik», 1952 г.). Данными учёными были сформулированы основные положения европейского неогумбольдтианства с учётом идей В. фон Гумбольдта относительно взаимосвязей языка и культуры.

Грамматическая концепция Л. Вайсгербера должна классифицироваться как структурно-ономаσιологическая и стратификационная, поскольку за ведущее направление исследования в ней принято направление от содержания к форме, и в ней ярко выражена дисциплинарная структура. В состав грамматики Л. Вайсгербера входят четыре дисциплины – лексикология, словообразование, морфология и синтаксис.

Неогумбольдтианское направление преимущественно характеризуется вниманием к семантической стороне языка, стремлением изучать его в тесной связи с культурой говорящего на нём народа и процессами мышления и познания. Не случайно гумбольдтовское определение языка как миропонимания людей сам Л. Вайсгербер интерпретировал с помощью формулы языка как создания понятий мира.

Уже в своей монографии «Родной язык и формирование духа» Л. Вайсгербер пользовался термином «картина мира». Он видел возможности слова в назывании (Benennen) и способе видения (Auffassen). Соответственно, предмет обозначается звуковым знаком, связанным с понятием этого предмета. Причём созидание языкового понятийного мира по своему происхождению не осознаётся его носителем: «Ведь мы изучаем большую часть “содержаний слов” неосознанно, тем более не благодаря дефиниции; наоборот, то и является чудеснейшей возможностью языка, что под его влиянием это знание вырастает неосознанно, что он позволяет человеку объединить весь свой опыт в единую картину мира и заставляет его забыть о том, как раньше, до того как он изучил язык, он воспринимал окружающую мир» [2, с. 66-67]. Новаторский характер монографии Л. Вайсгербера К. К. Кляйн усматривал в отходе учёного от принятых рассуждений о жизни языка, постановке вопроса именно о его возможностях. К. К. Кляйн видел в этом труде «зародыш мыслительного здания, не уступающего по своему великолепию зданию, созданному Г. Паулем» [7, S. 217] (*перевод мой – Д. А.*).

Лексикологические исследования Л. Вайсгербера были связаны с теорией поля, разработанной Й. Триром (1894-1970 гг.). По поводу знакомства с Й. Триром 28 августа 1927 г. Л. Вайсгербер писал в статье «Die Sprachfelder in der geistigen Erschließung der Welt»: «Мы встретились тогда после доклада, который я читал на Гёттингенской филологической конференции о „предложениях по методам и терминологии исследования слова”, и с первых же слов настолько быстро нашли взаимопонимание, что выводы одного оказались желанным подтверждением находок другого» [9, S. 318] (*перевод мой – Д. А.*).

Л. Вайсгербером и Й. Триром были разработаны основы структурной семантики, хотя сам термин «структурная семантика» обоими учёными не применялся. Эта семантическая концепция основывается на невозможности адекватной характеристики значения слова без обращения к лексическим единицам одного с ним семантического поля. Значение слова рассматривается как функция от его семантических отношений с другими членами поля. Так, например, объём и содержание значений слов *утро*, *день*, *вечер*, *ночь*, входящих в семантическое поле обозначений временных интервалов в пределах суток, зависят от их места в этом поле. С учётом иного деления суток в немецком языке слово *Morgen* не может быть точным эквивалентом

русского слова «утро». Во многих случаях употребления слова «утро» в русском языке носители немецкого языка употребили бы слово *Vormittag*. Для исключения неверного словоупотребления нужна информация о концептуализации и обозначении отрезков суток в языке, т.е. обо всём семантическом поле.

В структурной семантике и теории семантического поля отдельные концепты (и значения обозначающих их лексических единиц) рассматриваются не как отдельные феномены, существующие в мире до и вне языка, ждущие своих обозначений. Они – создаваемые языком духовные объекты, структурирующие действительность. Это положение стало одним из центральных постулатов неогумбольдтианской лингвофилологической концепции, разработанной Л. Вайсгербером. Её основные принципы были сформулированы им в работе «Родной язык и формирование духа».

Знакомство Л. Вайсгербера с Х. Гюнтертом (около 1927 г.), соиздателем журнала «Слова и вещи» («*Wörter und Sachen*»), положило начало их тесному научному сотрудничеству. Но программное заявление Х. Гюнтерта в т. IX «Слов и вещей» насторожило Л. Вайсгербера в связи со сделанным им акцентом на функции и значениях языковых единиц. Несомненно, что Х. Гюнтерт слишком ценил обнаружение исторических и культурных аспектов развития духовных предметов в жизни общества. Сам Л. Вайсгербер отмечал в 1933 г. в книге «*Die Stellung der Sprache im Aufbau der Gesamtkultur*»: «Лозунг „слова и вещи“ прямо-таки ждёт того, чтобы его оценили в более широком смысле как „язык и общая культура“» [10, S. 143] (*перевод мой – Д. А.*).

Свой оригинальный подход к отображению немецкой грамматики пытался выработать примкнувший к неогумбольдтианцам Г. Глинц. Но Л. Вайсгербер считал концепцию Г. Глинца расходящейся с идеями неогумбольдтианства, утверждая, что её автор в методологии исследований остался в рамках традиционной, формально ориентированной грамматики. С другой стороны, неогумбольдтианские теории были близки идеям школы М. Хайдеггера («Что такое метафизика», 1930 г., «На пути к языку», 1959 г.). Тем не менее, попытка установления диалога с ней со стороны неогумбольдтианцев и, в частности, Л. Вайсгербера, была безрезультатной.

Л. Вайсгербер многократно подчёркивал социальную природу языка и его творческий, активный характер. Язык, по мнению учёного, обуславливает создание у людей понимания объективной реальности. Словарный состав, грамматика и синтаксис каждого конкретного языка – не просто отображение культуры его носителей; они должны рассматриваться как явления культуры лишь постольку, поскольку способны раскрывать её понятия, ценности и традиции. Л. Вайсгербер исходил из положения, что язык представляет собой «энергию», находящуюся в состоянии постоянной деятельности. Примерно с 1954 г. (что отразилось в работе «*Die Ordnung der Sprache im persönlichen und öffentlichen Leben*») учёный стал называть своё направление «энергетическим учением о языке» (*energetische Sprachauffassung*) [8, S. 22] (*перевод мой – Д. А.*).

О творческом характере языка говорил ещё русский учёный-лингвист В. А. Богородицкий (1857-1941 гг.), не желая ограничиваться представлением языка как простого размена слов для выражения мыслей. В одной из лекций по общему языковедению он писал о глубине процесса разговора, когда говорящий выбирает подходящие выражения, а слушающий старается не только уловить их смысл, но и воссоздать соответствующий им образ. Вместе с тем учёный указывал: «Творчество это как у говорящего, так и у слушающего, идёт не всегда одинаково успешно: при сильном подъёме душевной энергии оно совершается наиболее успешно, — тогда у говорящего удачнее подбираются слова и даже создаются новые, речь становится выразительнее, а у слушающего глубже затрагивается соответствующий мир понятий и представлений и рельефнее вырисовываются образы» [1, с. 4]. Очевидно, что взгляд В. А. Богородицкого на речь как на процесс и творчество совпадает с мнением В. фон Гумбольдта, утверждавшего, что язык есть не факт (*ergon*), а деятельность (*energia*) [4, с. 22].

Наиболее точное определение языка было дано Л. Вайсгербером в книге «*Grundzüge der inhaltbezogenen Grammatik*»: «С энергетической точки зрения на язык как путь духовного преобразования реального мира, всякий язык представляется как процесс такого языкового воссоздания мира; возможности как языка в целом, так и его отдельных элементов (слов, структур предложения) следует определить таким образом, исходя из связи с этим основным процессом» [11, S. 23] (*перевод мой – Д. А.*). Соответственно этому, неотъемлемая функция языка – духовно-созидательная.

В своей книге «Вильгельм фон Гумбольдт и неогумбольдтианство» В. П. Даниленко отмечал, что Л. Вайсгербер выводил эти функции не из всей языковой картины мира, а из её идиознической стороны: «Между тем язык закрепляет в своей содержательной стороне не только точку зрения на мир, с которой смотрел на него народ, создавший данный язык, но и сам мир» [5, с. 104]. Этот «энергетический» подход к исследованию языковой картины мира и её влияния на познавательную и практическую деятельность её носителей интерпретировался немецким учёным посредством категории «*Worten der Welt*» (ословливание мира). Результатом этого процесса и являются лексические поля, с помощью которых язык моделирует мир.

В сфере словообразования Л. Вайсгербер рассматривал структурное своеобразие поля обозначений цвета в немецком языке. В книге «Родной язык и формирование духа» исследователь писал: «Прежние размышления показали нам, что мы не можем рассматривать наше понятийно обусловленное поведение в сфере цветов безо всякого как „естественное“; то есть таким образом, что цветовые слова (обозначения и понятия) нашего родного языка, на которых основано у всех вас это поведение, предоставляют нам невероятное естественное многообразие в виде огромного понятийного упрощения. Но то, что такое членение сферы цветов на несколько понятий типа *rot*, *grün* и т.д. пригодно в этой форме далеко не для всех языков, обнаруживается при сравнении языков» [2, с. 113]. Л. Вайсгербер показывал отсутствие симметрии в однотипных названиях, связанных с обозначениями цветов (если от имени прилагательного *rot* «красный» можно образовать имя прилагательное *rötlich* «красноватый» и глаголы *röten* «делать красным» и *erröten* «краснеть», то от имени прилагательного *violett* «фиолетовый» – нет).

В исследованиях морфологической структуры языка Л. Вайсгербер подчёркивал, прежде всего, несоответствие состава частей речи в разных языках. Помимо этого, в различии языков и их морфологических форм учёный усматривал предпосылку различного восприятия людьми мира, составляющего основу различия и богатства культур разных народов. Это проявлялось, например, в разном числе падежных форм в германских и романских языках.

Синтаксический раздел не получил развития в грамматике, сориентированной на содержание. В нём лишь подчёркивалась необходимость выявления в разных языках свойственных им синтаксических конструкций.

Указывая на важность роли языка в познании людьми окружающей их действительности, Л. Вайсгербер развивал в своих научных трудах, прежде всего, три идеи В. фон Гумбольдта: 1) язык – действующая сила; 2) язык имеет определённое мировоззрение; 3) язык представляет собой внутреннюю форму [4, с. 228]. На введённых в научный обиход понятиях *Geltung* (значимость) и *Sprachzugriff* (языковое освоение фрагмента мира) строилась третья ступень вайсгерберовской теории языка – исследование возможностей языка (*leistungsbezogene Sprachbetrachtung*).

В способах классификации языком предметов и явлений внешнего мира, установлении связей между ними и их оценке Л. Вайсгербер усматривал мировоззрение языка. Он стремился раскрыть эти черты разных языков, прежде всего постоянно изменяющегося немецкого языка. Неверность результатов такого деления мира и мышления людей учёный иллюстрировал на примере различий в названии видов растений. В учебном пособии «История лингвистических учений» Ю. А. Левицкий и Н. В. Боронникова указывали на наличие в немецком языке слова *Unkraut* («сорняк», «сорная трава») наряду с реальными растениями *Hahnenfuss* («лютик»), *Gansedistel* («чертополох») и другими. Они подчёркивали: «“*Unkraut*” – это не факт действительности, а результат интерпретации этой действительности человеком» [6, с. 248].

Несомненно, что слово *Unkraut* возникло как результат человеческого суждения, и отнесение к этой категории означает непригодность (второстепенность) растений для потребностей людей. Это положение применимо и к другим словам, подверженным фактору человеческой оценки. Подобные примеры подтверждают историческую изменчивость языковой картины мира. Они демонстрируют, что, несмотря на доминирование синхронизма, концепция языковой картины мира у Л. Вайсгербера открыта и для диахронизма.

Подобным образом Л. Вайсгербер подчёркивал отличие значений многих слов, относящихся к животному царству, в средневерхненемецком языке по сравнению с современным немецким. Отличие древневерхненемецкого (средневерхненемецкого) языка от современного учёный связывал с особой картиной мира, характерной для древнего языкового состояния.

С понятием внутренней формы языка связано понимание роли грамматики в концепции Л. Вайсгербера. В статьях «*Grammatik im Kreuzfeuer*» («Грамматика под перекрёстным огнём») (1950-1951 гг.), «*Der Mensch im Akkusativ*» («Человек в аккузативе») (1957-1958 гг.) и в книге «*Die vier Stufen in der Erforschung der Sprache*» («Четыре ступени в исследовании языка») (1963 г.) Л. Вайсгербер представил своё понимание системы языкознания. Преодолев буквальную интерпретацию слов В. фон Гумбольдта о языке не как продукте деятельности (*ergon*), а деятельности (*energeia*), он признал в языке оба этих фактора. Поэтому в основе его грамматики лежит дихотомия эргонической (статической) и энергетической (динамической) лингвистики. В связи с этим В. П. Даниленко пояснял: «В первом случае язык рассматривается как продукт деятельности, а во втором – как деятельность» [5, с. 114].

Если одномерная грамматика исследует лишь формальную сторону, то Л. Вайсгербер перешёл к трёхмерной лингвистике. С идеей промежуточного мира связано понятие *языкового содержания*, а с его помощью строится трёхзначная языковая модель (звуковая форма, содержание, действительность) в отличие от двузначной модели Ф. де Соссюра (язык и речь) [3, с. 168].

В исследовании языка Л. Вайсгербер различал статический и динамический аспекты. Статическое рассмотрение языка (грамматика) осуществляется с двух сторон: внешней (звуковой) и содержательной (понятийной). Динамическое рассмотрение языка (собственно лингвистика) также имеет две стороны: с одной (ведущей) стороны, рассматривается роль языка в процессе познания, в процессе обозначения словами всех явлений и предметов действительности. С другой стороны, рассматривается влияние языка на поступки человека и на жизнь языкового коллектива в целом.

Существование реального мира для неогумбольдтианцев связано с его отражением в языке. Для Л. Вайсгербера было особенно характерно углубление в сверхъестественный «дух» языка, определяющий духовное формирование, культуру и историю народа. В. фон Гумбольдт предостерегал от переоценки влияния структуры языка на мышление: «Неправильна и сама по себе попытка определять круг понятий данного народа в данный период его истории, исходя из его словаря» [4, с. 57]. Напротив, Л. Вайсгербер считал язык единственным фактором развития мышления. Для понятийного (*inhaltbezogen*) и действенного (*energeiabezogen*) подходов была характерна идентификация понятия и слова или его значений, построение мира понятий языка и отрыв языкового содержания от звуков-носителей. В связи с этим Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров подчёркивали неправомерность игнорирования роли языка в процессе познания и навешивания на него ярлыка простого орудия формирования и передачи мыслей. Исследователи указывали: «На самом деле язык играет тут активную роль, воспроизводя логическую мысленную картину действительности, внося в этот исключительно сложный процесс своеобразные коррективы, накладывая на познание свой отпечаток» [3, с. 280].

Одним из основных в концепции Л. Вайсгербера стало понятие «языкового сообщества», которое он считал главной формой общности людей, рассматривая её как подступ к сфере духа и культуры [2, с. 80]. Сам же язык он понимал как духовный центр человеческой жизни, действие которого относится ко всем духовным

достижениям и деятельности языковой общности. Л. Вайсгербер связывал язык со всеми жизненными проявлениями отдельного человека и языковой общности в целом и рассматривал его как предпосылку, предмет и средство научного мышления, учитывая необходимость рассмотрения других способов отношения между языком и наукой: значения науки для языка и параллелей между языком и научным мышлением.

Следовательно, в гипотезах неогумбольдтианцев язык предстаёт как «промежуточный мир» [12, S. 44] между реальной действительностью и сознанием человека, маркируя семиотическую проблему интенционального мира, образующегося совокупностью семантических признаков. Семиотический подход позволил рассматривать картину мира с позиции первичных моделирующих систем (язык) и вторичных моделирующих систем (искусство, религия), а также выделить в общей картине мира её разновидности – научную, философскую, языковую и другие. Неогумбольдтианцы смешивали два основных типа картин мира – концептуальную (значительно более широкую) и языковую. По сути, неогумбольдтианцы уподобляют национальную картину мира языковой и концептуальной, а сам язык – интенциональному миру.

Если В. фон Гумбольдт считал, что язык свойственен природе людей как необходимое проявление духа народа, обеспечивающее восприятие им мира, то, по Л. Вайсгерберу, язык определял это восприятие и понимание. С различием в структурах языков неизбежны и различия в мировоззрении людей. Поэтому Л. Вайсгербер видел другую задачу динамического исследования языка в рассмотрении его как культуuroобразующей силы, охватывающей и духовно организующей народ как носителя исторической жизни.

В результате анализа примеров усвоения языка глухонемыми и случаев амнезии Л. Вайсгербер делал вывод о том, что обладание определённым словарём даёт человеку нужные обозначения предметов или духовных содержаний, а их понятийное восприятие соединено с наличием обозначений. Поэтому не только говорение, но и мышление и поведение тесно связаны с владением языком. Это положение подтверждают и приводимые им примеры языковой обработки области слуха, осязания, обоняния.

Другими примерами, поясняющими значение языка для категориального поведения людей, являются названия качеств характера, родственных отношений, частей тела, профессий, система предлогов. В связи с этим Л. Вайсгербер сопоставлял понятия, имеющиеся в немецком и отсутствующие в других языках, размышляя о способах смыслонаделения в разных языках.

Но признание национального характера мышления, его зависимости от конкретного языка, рассуждения о «преимуществах» и «недостатках» языков и интеллекта их носителей (как у Л. Вайсгербера), деление языков и народов на «примитивные» и «цивилизованные» (как в этнолингвистике) не дают базу для решения лингвострановедческих проблем в преподавании иностранных языков, как и в иных прикладных сферах, например, в теории перевода. Это связано с тем, что Л. Вайсгербер придавал непереводаемости свойства абсолюта как свидетельства исключительности духа языка, как невозможности идентичной передачи мыслей в разных языках. С учётом данного фактора теория лингвистической относительности не может считаться непреложной.

Список литературы

1. Богородицкий В. А. Лекции по общему языковедению. Изд-е 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 312 с.
2. Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа / пер. с нем.; вступ. ст. и коммент. О. А. Радченко. Серия «История лингвофилософской мысли». Изд-е 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 232 с.
3. Верецагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980. 320 с.
4. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / пер. с нем.; общ. ред. Г. В. Рамишвили; послесл. А. В. Гуляги и В. А. Звездинцева. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. 400 с.
5. Даниленко В. П. Вильгельм фон Гумбольдт и неогумбольдтианство. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 216 с.
6. Левицкий Ю. А., Боронникова Н. В. История лингвистических учений. М.: Высшая школа, 2005. 302 с.
7. Klein K. K. Rezension v. Leo Weisgerber, Muttersprache und Geistesbildung // Siebenbürgische Vierteljahrsschrift 54, 1931. S. 217-221.
8. Weisgerber L. Die Ordnung der Sprache im persönlichen und öffentlichen Leben. Köln: Opladen, Westdeutscher Verlag, 1954. 52 S.
9. Weisgerber L. Die Sprachfelder in der geistigen Erschließung der Welt // Festschrift für Jost Trier zu seinem 60. Geburtstag am 15. Dezember 1954. Hrg. v. B. v. Wese, K. H. Borck. Meisenheim/Glan, Westkulturverlag (Hain), 1954. S. 318-335.
10. Weisgerber L. Die Stellung der Sprache im Aufbau der Gesamtkultur. Heidelberg: C. Winter, 1933. 236 S.
11. Weisgerber L. Grundzüge der inhaltbezogenen Grammatik. Düsseldorf: Schwann, 1971. 431 S.
12. Weisgerber L. Vom Weltbild der deutschen Sprache. I. Die inhaltbezogene Grammatik. Düsseldorf: Schwann, 1953. 267 S.

LEO WEISGERBER'S ONOMASIOLOGIC LANGUAGE CONCEPTION SPECIFICITY

Samarin Dmitrii Aleksandrovich, Ph. D. in Philology
Baikal State University (Branch) in Yakutsk
dsamarin2011@yandex.ru

The author considers L. Weisgerber's philosophical and linguistic worldview formation, who was the head of the neohumboldtian school in Germany, pays special attention to the German linguist's interest to the language social nature, its active character, and analyzes L. Weisgerber's conception taking into account the peculiarities of its three-valued language model (sound form, content, reality) and static and dynamic aspects singled out by him in the language researches.

Key words and phrases: structural semantics; culture; language worldview; onomasiologic grammar; inner form; statics; dynamics.